

ное распространіе Пушкина есть фактъ, не лишенный значенія. Съ другой стороны, есть успѣхъ и въ критическомъ истолкованіи Пушкина. Юбилей памяти поэта не вызвалъ, къ сожалѣнію, ни одной цѣльной обширной работы ни по его біографіи, ни по комментарію; но въ тѣхъ отдѣльныхъ эпизодическихъ изслѣдованіяхъ и нѣсколькихъ общихъ оцѣнкахъ, какія теперь явились и на которыхъ мы здѣсь остановимся, выступаютъ новыя подробности, мало прежде объясненныя, высказываются новыя точки зрѣнія, которыя надо будетъ переработать будущему біографу и истолкователю Пушкина; наконецъ, кажется намъ, общее пониманіе значенія Пушкина становится все болѣе многостороннимъ, и его роль историческая болѣе ясной. Утрата Пушкина пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ вызвала не вполнѣ заглушенные тогдашней цензурой взрывы глубокой горести и пламенной любви къ погибшему поэту, въ которомъ современное ему поколѣніе видѣло гордость русской литературы и въ произведеніяхъ его предчувствовало несокрушимый залогъ ея будущаго развитія. Теперь, обновленное воспоминаніе объ этой уtratѣ сопровождалось такимъ же потокомъ выраженій горячаго сочувствія къ личности поэта, но и признаніемъ, что предчувствія стараго поколѣнія дѣйствительно исполнились въ успѣхахъ нашей литературы за послѣдніе полъ-вѣка: мы имѣли передъ собой историческій опытъ, и въ его обстановкѣ дѣло Пушкина представляется уже какъ законченный историческій фактъ съ его антецедентами и послѣдствіями. Къ нынѣшнему выраженію сочувствій должна присоединиться поэтому спокойная критическая оцѣнка: мнѣнія иногда раздѣляются, и ихъ объединить, рано или поздно, всестороннее историческое рѣшеніе.

Содержаніе произведеній Пушкина такъ разнообразно, самая біографія поэта исполнена такими тревоженіями, что возможно было находить въ томъ и другомъ почву для выводовъ весьма различныхъ. При жизни, Пушкинъ началъ репутаціей вольнодумца, довольно заслуженной, хотя вольнодумство его юности нерѣдко бывало поверхностно, а впослѣдствіи онъ самъ желалъ быть истолкователемъ правительственной мысли и бывалъ выразителемъ ея идей; отъ временнаго „аѳеизма“ онъ переходилъ къ религіознымъ пѣснопѣніямъ, и отъ легкаго эпикуреизма—къ серьезнымъ думамъ объ обязанностяхъ гражданина въ союзѣ съ существовавшими тогда условіями, и т. д. Немудрено, что въ современныхъ сужденіяхъ о его личности и дѣятельности мы встрѣчаемся съ опредѣленіями весьма несходными: одни изображаютъ поэта представителемъ идей, которыя можно назвать